

От редакции: сердечно поздравляем члена редколлегии журнала «Армак» Ольгу Владимировну Кузьмичеву-Дробышевскую с выходом новой книги, которая жанрово разнообразна и не совсем обычна. Стихи в «Янтарной бусине» (так называется книга) перемежаются лиричными миниатюрами в прозе. И в стихах, и в прозе главенствуют лаконизм, череда точных художественных образов и многозвучие – неотъемлемые качества поэзии и музыки, что тоже не случайно. Ольга – не только член Союза российских писателей, но и одарённый музыкант, автор-исполнитель, певица, известная не только в своём городе Набережные Челны, но и в Казани, Москве и в других городах России. Звуковые волны, о которых упоминал Александр Блок в своей знаменитой речи «О назначении поэта» не проходят мимо её души и сердца, а талант позволяет найти единственно точное слово, услышать свою неповторимую мелодию...

ПОДАРОК

Иль тайна тайн во мне опять.

Анна Ахматова

Капли монотонный колокольчик
умолк, осиротел мой подоконник.
А я листаю старый мамин сонник –
не спится мне весенней этой ночью.

Разгадкой тайн шуршат в тиши страницы,
желтеющие в свете ночника...
Упала книга. Свесилась рука.
И сладко-сладко смежились ресницы...

Приморский город, здания старинны,
восходит солнце, золотом маня,
по улице мощёной, узкой, длинной
я к морю тороплюсь, там ждут меня,
пока не знаю кто, но сердце бьётся,
трепещет в ожиданье встречи важной.

А улица – пустынна, лентой вьётся
по городу чужому. Но однажды,
мне кажется, я здесь уже бывала,
по этим вот бульжникам, блестящим
от утренней росы, уже ступала.

Да, это было...

в прошлом?..

в настоящем?..

Со мною?

Нет, как будто не со мною,
но чувство прорывается в сознание:
я помню этот свежий запах моря
и это долгожданное свиданье...

Дорога привела меня к причалу.

А небо будто в море окунулось,
в нём утопив страданья и печали...

Я к изначальной мудрости вернулась,
услышав голос радостный, родной:

– Любимая!

– Владимир!

– Марта, здравствуй!

– Как я соскучилась!..

...О Боже мой! –

моряк широкоплечий, нежный, страстный,
он... мой отец!..

Всевышний, дай понять мне,

а кто же я сейчас? я... – моя мать?!

И я к нему бегу, бегу в объятья,
чтоб тайну тайн скорее рассказать...

Проснулась. Поняла: я *помню* это
свидание у моря, солнце, лето.

Я там была! Ещё не рождена,
но я уже была сотворена.

Под утро растрезвонилась капель,
сосульки заиграли акварелью.

Сегодня, накануне дня рожденья,
чудесный сон мне подарил апрель.

2008 г.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Снова в пути. Снова в разлуке...

На привокзальной площади – небольшой современный магазинчик из стекла и белого пластика. Вхожу туда, чтобы купить что-нибудь в дорогу. Только переступила порог, как

над головой, словно ветер – «прх-х!» И журчащий короткий колокольчик – «трик». Посмотрела под потолок и обомлела. Внутри тамбура магазинчика, у входной двери, на стене, в углу, над небольшой коробкой, к которой тянутся провода, приклеено маленькое тёмно-серое гнездо. Из него торчат, подрагивая, три круглые головки: чёрные «шапочки» опущены ниже бровей, белые щёчки важно надуты, клювики приоткрыты, словно птенцы беззвучно смеются. Глазки их – меньше булавочных шариков – смотрят с любопытством, без страха.

Мимо меня торопливо протиснулись покупатели – вошли, а затем с покупкой вышли, – я посторонилась, не сводя глаз с маленьких воронок: надо же, не бояться, будто люди – безобидные ходячие птицы... Как же они тут живут? Огляделась: дверь с улицы заботливо привязана снаружи к углу тамбура; работает только вторая внутренняя. Открыла её и вошла в пахнущее хлебом и сладостями небольшое помещение.

– Здравствуйте. Давно они у вас? – спросила я продавщицу, кивнув в сторону гнезда.

Строгое лицо женщины приветливо просияло. Хозяйка нагнулась над прилавком, привычно облокотилась и ласково посмотрела сквозь стеклянную дверь на своих «постояльцев».

– Второй год, – она в улыбке поджала губы. Пару раз кивнула, подтверждая свой ответ, и тихо добавила: – Угу...

– Странно, обычно воронок гнездо строит у каменных стен, редко даже у деревянных, а тут – пластик... Неужели второй год?

– Ага... в прошлом думала, случайные залётные гости, а нынче вот – снова... Похоже, одна и та ж парочка.

– Никто не обижают?..

– Какой там... шмыгают туда-сюда и не видят их в высоком-то уголку...

– А как же ночью?

– Так мы ж круглосуточно... Мамашка ихняя... думаю, она это, не различишь их... так вот она всегда остаётся. А папашка иногда где-то гуляет... тепло, дверь не закрываем, а как быть?.. Пожа-алста, летайте... тут им хорошо-о, – протянула довольная разговором женщина, – не льёт, не дует, чё ещё?.. Мошек всяких полно, окраина всё ж...

– Умные птицы, – согласилась я.

– Приноровились... хм, – покачала головой хозяйка, любовно глядя на птенцов, – забавные карапузы...

Выходя из магазина, я ещё раз посмотрела на маленькое чудо: скоро, наверное, встанут на крыло... Вспомнилось: «Край земли. Полоска дыма тянет в небо, не спеша. Одинока, нелюдима вьётся ласточкой душа»...

Эх, забыла сделать покупку, но это неважно.

2014 г.

БОМЖ И СОЛОВЕЙ

Три часа утра. Во дворе запел соловей – неумолимый глашатай рассвета... Невольно вспомнила старую добрую песню: «И с полей уносится печаль, из души уходит прочь тревога...». Вышла на балкон. Тепло. Звёзды померкли. Солнце ещё не взошло, но глубокое чудесно синее небо уже отражает его лучи – ещё холодные, без примеси розового, а всё же ласковые. Люблю этот горящий синий цвет. Когда закрываю глаза, часто его вижу, он дарит ощущение тихой радости...

Благоухают цветы, ароматы поднимаются до моего балкона: внизу, у подъезда, будто вскипел большой сиреневый куст; у самых окон две липы распушили белёсые мелкие гроздья; в дальнем углу двора – черёмухи и рябины, уже отцветают; а в центре

– две огромные берёзы наливают соком упругие серёжки. Под берёзами растянулась, как во сне, большая скамейка, рядом отдыхает песочница, набираясь сил перед дневной атакой детворы. И над всем двором – виртуозные трели соловья. Идиллия. Даже машины, заполонившие дорогу, уютно вписались в рассветный пейзаж: нарядно, словно яркие звёзды, вспыхивают синие огоньки безмолвной сигнализации; и мне показалось, они подмигивают небу, мол, мы с тобой...

Вдруг послышался необычный шум. Пригляделась. Из дальнего угла двора по тротуару идёт человек, в руках – белые большие мешки, но мужчина несёт их легко. Стала за ним наблюдать. Он не спеша следует от подъезда к подъезду нашего длинного многоэтажного дома. Подходит ко всем урнам, проверяет их, вынимает пластиковые бутылки и жестяные банки, старательно мнёт (не ногами топчет, как это обычно делают пьянчужки, а сминая в руках, наверное, чтобы сильно не шуметь), и складывает в мешки. Судя по объёму ноши, поработал уже на славу. Вот и к песочнице подошёл и обнаружил там богатый «урожай»: накануне вечером вокруг скамейки стоял гвалт – «культурно» отдыхали некоторые представители нашего двора и засорили банками и бутылками не только предназначенные для этого ёмкости, но и детскую площадку. Сначала подумала: почему этот человек «охотится» на рассвете? Потом сообразила: он торопится до выхода на работу дворников – те с пяти утра начнут сметать его драгоценную добычу. И ему не до соловья...

А солнце – оно щедрое – всему дарит свет, как любовь. И лишь она «долготерпит... не раздражается... всё покрывает... всегда надеется...»

2015 г.

ВЫСОТА

Ехала в автобусе. Увидела в небе большую птицу. Она летела высоко, и я не смогла разглядеть, кто это: может быть, ворон, а может быть, орёл. Полёт птицы был уверенным и стремительным, но вдруг навстречу – сильнейший порыв ветра. Сейчас он собьёт её с пути: крылья начнут выламываться; не хватит сил противостоять стихии, и птица неизбежно упадёт!

И что же сделала птица? Она распластала крылья и, словно доверившись ветру, легла на поток. Он понёс её в сторону, немного назад, но в какой-то момент она, уловив невидимую опору, оттолкнулась и взмыла вверх!.. И оказалась выше потока. Отдохнув в коротком парении, она мощно взмахнула крыльями и дальше – в полёт.

Вот так и надо – выше – над страхом... над болью...

2013 г.

ЯНТАРНАЯ БУСИНА

Середина лета. Город детства. Прошло 40 лет, но... тот же знойный ветер со смешанными запахами песочной пыли, степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. То же необъятное белёсо-голубое небо. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом...

Помню, мне было – пять. Во дворе, под окном, рос пышный куст акации. У его корней я закопала «секретик» – так мы называли одно из любимых развлечений, в котором главным было, спустя какое-то время, не забыть, где именно спрятан секрет. Потом осторожно, чтобы никто не видел, найти укромное место, присесть пониже, бережно разгрести над «се-

кретиком» землю, легонько сдунуть осыпающиеся песчинки и увидеть самую сердцевину тайны. О, как приятно знать о чём-то таком, о чём никто не знает! Лелеять это чувство в душе, вынашивать его, выращивать до того момента, когда им вдоволь насладишься. И тогда приходит желание выплеснуть тайну, открыть кому-то секрет. Но зачем? Может быть, затем, чтобы утвердиться в своей значимости, испытать опасность, ведь секрет могут украсть, а его всё-таки хочется сберечь. Тогда кому открыть тайну? Конечно же, верной подруге. И наступал самый торжественный момент – секрет открывался. Дух захватывало!

Тот «секретик» я запомнила навсегда, потому что под тонким осколком зелёного бутылочного стекла, на блестящем конфетном фантике покоилась драгоценная слеза янтаря – капля старых бабушкиных бус. Однажды они рассыпались, и под мою кровать закатилась одна бусина. Я утаила её, когда бабушка нанизывала жёлтые округлые камешки на новую нить.

Теперь понимаю, что бабушка догадалась о моей тайне, но ни о чём меня не спросила. Просто, пересчитав бусины, грустно сказала:

– Чётное число. Одной не хватает, а на ожерелье из янтаря должно быть нечётное количество камней – тогда, говорят, бусы приносят своей хозяйке здоровье.

– Что же теперь делать? – прошептала я, и щёки предательски вспыхнули.

– Ничего. Я просто уберу одну бусину. Держи. А если у тебя вдруг окажется чётное число камней, например, два, то подари один своей любимой подруге. Пусть и с ней янтарь делится теплом.

– Хорошо, – опрометчиво согласилась я. Камешек, скатившись в мою ладонь, будто обжёг меня. – Он и вправду очень тёплый! Он что, живой?

– Конечно, ведь он сделан самой природой, – голос бабушки зазвучал глубоко и ласково. – А природа, в любом проявлении, живая.

– А нам в садике говорили, что есть живая и неживая.

– Может быть, это и правильно. Но так считают люди. А природа? Не знаю. Если бы люди не только всматривались и вслушивались в неё, но видели и слышали, то, возможно, жили бы в согласии с ней.

– А с чем же они не согласны? – я всё крепче сжимала в кулаке бусину.

– С тем, что природа сильнее. Что она, «неживая», живёт дольше, может быть, вечно, но зря в одной большой книге сказано: «Поколение уходит, и поколение приходит, а земля остаётся на века».

– А что такое «поколение»?

– Ну, это люди, рождённые и живущие в одно время... Я принадлежу к одному поколению, моя дочь – твоя мама – к другому, ты – её дочь – к третьему...

– А у тебя есть эта большая книга? – перебила я. – Почитай мне.

– Нет. Её теперь трудно достать. Может, когда ты вырастешь, то сама найдёшь и прочтёшь...

Вскоре бабушка умерла. Как я плакала, чувствуя себя виноватой в том, что бабушка заболела и уже не выздоровела, – ведь я не отдала ей чудесную нечётную бусину.

Помню, боль жестокой ломотой скручивала тело. Она смешивалась со страшной тайной, разрасталась во мне до невыносимых размеров и, терзая, искала выхода. И выходила слезами. Я плакала, плакала, плакала... Потом вдруг догадалась: боль станет меньше, если расскажу о тайне, о янтарной бусине. Но кому? Бабушки нет. Кому же?.. Кому больше всего на свете верю – маме. В тот же вечер я во всём призналась.

Мама усадила меня на колени, вытерла слёзы и, поцеловав, тихо сказала:

– Маленькая моя, ты ни в чём не виновата. Бабушка заболела не из-за того, что потеряла бусину.

– А из-за чего?

– Из-за того, что стала старенькой. Таков закон природы: люди рождаются, живут и умирают. Им на смену приходят другие. Я – бабушкино продолжение, ты – моё...

– Да, бабушка говорила... А ты тоже умрёшь?

– И я тоже. Но, надеюсь, не скоро, а лишь тогда, когда ты вырастешь, станешь сильной, когда у тебя у самой будут дети – мои внуки.

– Значит, и я когда-нибудь умру?

– Так устроена природа. Всею своё время. Но ты не думай об этом, живи и радуйся... Я тебя очень люблю.

Мама крепко прижала меня к груди. Коснулась горячими губами макушки и, баюкая, запела знакомую с рождения колыбельную. Мелодия и мамино дыхание словно текли по моему затылку, лёгкими толчками пробивались в горло, нежно щекотали в груди, наполняя покоем. И боль утихла, растворилась в мамином голосе. Стало тепло и легко. Я нащупала в кармане бусину. Украдкой взглянула. Она перестала казаться зловещей. Она вновь засветилась маленьким жёлтым солнышком.

Прошло 40 лет. Уже нет и моей мамы. А я давно-давно живу в другом городе. Но приехала погостить в город моего детства, где меня встретил тот же знойный ветер со смешанными запахами песочной пыли, степной полыни, стойкой придорожной лебеды и разгорячённых тополей. Та же улица с тем же сквером и фонтаном. Тот же дом... Всё так же, как в детстве, только немного меньше. Теснее стали двор и сквер, более узкими – улицы, ниже – потолки в доме. Но совсем не изменились запахи, они живы, как родовая память. И таким же огромным осталось небо, даже цвет его – прежний: в полдень – белёсо-голубой, в полночь – глубинно-чёрный, с яркими стразами звёзд. Да и ночи – те же: тёплые, наполненные многоголосием сверчков и стрекотанием кузнечиков.

И пусть современные девочки не закапывают «секретки» в песок, а прячут их в памяти компьютеров и сотовых телефонов. Но они испытывают те же чувства, что и я когда-то, дышат тем же ветром, ходят по той же траве, их ступни обжигает та же горячая земля. И в фонтане так же, как и прежде, плещутся дети. «Нет ничего нового под солнцем». Нет даже времени, только течение жизни...

Помню, когда узнала, что стану матерью, почувствовала себя бесконечной вселенной. О, как приятно знать о чём-то таком, о чём никто не знает! У меня появились ещё одни глаза и уши, которые стали видеть и слышать мир изнутри меня. И открылся ещё один секрет: «глаз не насмотрится всласть, вдоволь не наслушается ухо».

Когда-нибудь приеду в город моего детства вместе с внучкой. Я открою ей «секретик» и подарю ту самую янтарную бусину.

2012 г.

ЛЕДЯНОЙ ДОЖДЬ

Конец октября выдался морозным: температура воздуха неожиданно упала до десяти градусов ниже нуля. Да, именно неожиданно, потому что бабье лето, отступив в тёплом сентябре, вновь вернулось в остывшем октябре и торжествовало золотыми днями до самой его середины. И вдруг...

Однако согласно календарю уже давно прошёл Покров день, а значит, снег и морозец – явление законное. И раньше в наших краях на Покров частенько выпадал первый снег. Издревле белоснежное полотно на земле сравнивали с покровом Богородицы.

Сравнивали и с подвенечной фатой, даже примета в народе бытовала — чем больше снега выпадет в праздничный день, тем больше свадеб случится в этом году; да и сам праздник всегда все старались провести как можно ярче. Вот и мы с Верой, несмотря на нечаянный мороз, сели в машину и смело отправились за яркими впечатлениями в Москву. Вера — поэт, сказочница, кроме того, ещё и опытный водитель. Нередко мы бываем в разных городах: Вера читает, я пою — неплохой творческий тандем.

От предчувствия добрых встреч настроение было приподнятым. И погода вдохновляла солнечным морозцем. Чистый прозрачный воздух, потемневшие после уборки и уже уснувшие поля, полупрозрачные притихшие леса, весёлые на их фоне сосенки и ёлки — всё вокруг безмятежно желало нам доброго пути. Но лишь осталось позади милое Свяжское раздолье, как потянувшиеся просторы Марий Эл и Чувашии оказались не просто заснеженными, но и покрытыми толстым панцирем льда. Виды — удручающие. Целые рощи, придавленные тяжестью неведомой силищи, почти лежали на земле. Заледенелые берёзы обездвиженными дугами горестно склонялись к обочинам. И асфальт в ледяных колдобинах напоминал не дорогу, а схваченную внезапным морозом реку с застывшей вздыбленной рябью.

Вера сбросила скорость. Мы, ошеломлённые, ехали молча, с единственным желанием — скорей оставить злополучные места. Но картина за окном становилась всё мрачней и мрачней. Повсюду, куда хватало глаз, из ледяного наста разреженным частоколом торчали сломанные деревья, точно обрубленные жестоким дровосеком.

— Будто костлявая косой прошлась, — горько выдохнула Вера.

Я промолчала. Закрыла глаза. Потом вновь посмотрела в окно: порушенный лиственный лес сменили молодые сосны и ели — они мне показались похожими на заблудившихся инопланетян, — стояли, как обречённые, скованные серебристыми скафандрами...

Колдовскую нереальность тяжёлого зрелища усилили ранние сумерки. Мы поехали совсем медленно. А стремительно опускавшаяся ночь заставила ещё сосредоточенней вглядываться в трудную дорогу. Свет фар продолжал вырывать из темноты следы небывалой стихии.

— Сфотографировать бы всё это, — неожиданно прозвучал голос Веры. Она осторожно остановила машину у обочины, расчехлила мобильный телефон и вышла.

Я тоже достала фотоаппарат, но вылезать из тёплого салона не хотелось. Опустив стекло, я вытянула руки к освещённой панораме ледяного Берендеева царства и несколько раз — со вспышкой и без — щёлкнула затвором. Когда Вера вернулась и, поёживаясь от холода, уютно вжалась в кресло с подогревом, мы полистали получившиеся кадры. Разочарованно отметили, что «глаза» наших фотоустройств не видят той глубины, не охватывают того простора, что воспринимают наши зрачки. Снимки получились блёклыми, вовсе не передающими то, что видим мы... и уж тем более — что чувствуем.

— Ладно... — махнула рукой Вера и сменила тему: — Похоже, до Нижнего сегодня не доберёмся... хоть к полуночи бы очутиться в Лысково, там неплохая гостиница...

Без пяти двенадцать машина остановилась на ровной, словно отутюженной, площадке перед мотелем. Ярко горели придорожные фонари. Снег под ногами празднично искрился. Зазывно моргали разноцветные огоньки над входом в гостиницу, а жёлтые окна манили теплом. Все эти краски жизни никак не вязались с моим настроением. Вспомнилась «Песенка про пять минут»: так и зазвучал в голове озорной голос юной Гурченко. С чего бы?.. Может, оттого, что снег здесь какой-то волшебно нарядный?.. Что много-много простых, порой даже пустых слов этой песенки, как лёгкие снежинки в свете фонаря, выются вокруг одной главной фразы: «Но бывает, что минута всё меняет очень круто, всё меняет раз и навсегда»?..

Долго ли шёл этот ледяной дождь? А сколько теперь лет понадобится, чтобы природа восстановилась?.. Целые леса! Страшно...

Однако уютное тепло гостиничного номера, искренняя — не дежурная — улыбка дежурной, вкусные запахи кухни рассеяли тревожные мысли. Напившись горячего чая, мы блаженно рухнули в чистые постели.

— Будильник заводить не будем, надо выспаться... я так устала, — протяжно зевнула Вера...

Утром солнечные лучи, тоже за ночь отдохнувшие, весело светили на дорогу. Следы отбушевавшей стихии теперь встречались не часто — лишь небольшими полосами: видать, ледяной дождь прошёл здесь не сплошняком, тем самым пощадив Нижегородскую область. А может быть, дождь просто обессилел, пока сюда добрался. Берёзы уже не гнулись к земле, а лишь задумчиво склоняли тонкие макушки. Стволы и ветви отливали хрустальным блеском, а не успевшие опасть листья, сверкали на солнце радужными слюдяными пластинками. Ясное голубое небо казалось покойным, ласковым, и трудно было представить, что оно способно обрушивать на землю всякие напасти.

— Странное явление — ледяной дождь... — Вера закурила и приоткрыла окно.

— Я помню такой в декабре 2010-го в Москве. До сих пор многие деревья так и не поднялись... Первый раз в жизни тогда увидела, узнала, что в природе бывает такое... Да и само понятие «ледяной дождь», мне кажется, новое... Может, это явление двадцать первого века? Ось Земли сместилась, климат изменился... А может, мы — люди — виноваты... И Андерсен свою «Снежную королеву» ещё полтора века назад написал, как предупреждение человеку, мол, загордишься — и попадёшь в вечное царство льдов...

— Что сказки?! Ведь были ледниковые периоды... Может, эти ледяные дожди — просто предвестники новой ледниковой эры, а мы — свидетели её начала.

— Может... Вот только документальных свидетельств мы потомкам не оставим, фотоаппараты вчера не сработали, — попыталась я пошутить.

— Зато слово в литературе оставим, — с весёлым вызовом, успокоенная хорошей дорогой, сказала Вера.

— Ну да... Если не выйдем, как мамонты.

— Вот-вот. От мамонтов хоть бивни остались, а от нас... Интернет — не скрижали.

Мы ненадолго умолкли. Вера докуривала. А у меня перед глазами, как на фотоплёнке, всё проявлялся и проявлялся ночной чёрно-белый лес. Берёзы, застывшие в глубоких поклонах, будто молились — смиренно, тихо. Маленькие ёлочки, словно беззащитные дети, пугливо вглядывались в небо. Деревья — ни в чём не повинные — гибли... за чужие грехи... Страшно!

Вера закрыла окно. Прибавила газу и, будто подхватив мою мысль, но поддавшись солнечному настроению, перевела её в мажорный лад:

— А всё же, хоть и ледяная, хоть и страшная, а — красота-а-а!.. Согласись?

— Да, — прошептала я, голос не слушался. Чуть шевеля губами, я начала вспоминать: — Пресвятая Богородица... Покрый нас честным Твоим Покровом и избави нас от всякого зла...

— Что говоришь? — Вера не отрывала от дороги глаз.

— Красота, говорю. Убийственная красота...

2014 г.

P.S. Книгу «Янтарная бусина» вы можете заказать, написав автору: helga-ovk@mail.ru

